

М. П. ПОЛЬСКИЙ

**Действующие лица:
Корнилов, Милюков, Черчилль**

<Фрагмент>

<...>

Относительно другого главного действующего лица не обойтись вначале, если откровенно признаться, без оговорки. Ведь иной специалист, лишь увидев на обложке научно-популярного издания фамилию члена-корреспондента АН СССР В. Г. Трухановского — известного и единственного у нас биографа Черчилля (книга о котором вышла в свет уже в четвертый раз), может спросить: что особенного можно найти в таком издании? Особенное, по-моему, есть и проявляет себя в неотъемлемой связи со всем содержанием работы. Недостаточно констатировать, что колоритная личность британского военного министра выписана на страницах книги детально и убедительно, а из содержащегося в последней анализа сложных международных перипетий складывается понимание, почему с именем одного из «самых пылких поборников интервенции» в Страну Советов связывал «свои главные надежды российский антибольшевистский лагерь». Рассматриваемый конкретный опыт всего проделанного авторами открывает возможность углубить оценку.

У читателя не останется, пожалуй, сомнений, что в правящих кругах Англии (да и других капиталистических стран) не было деятеля, который, как Черчилль, более энергично, настойчиво и последовательно боролся бы против Советской Республики. Одновременно перед нами предстает не только изощренный политик, но и блестящий оратор, умный и пронцательный человек. И вот один пример из книги, в котором равно показательны

и текст самого Черчилля, и авторский комментарий. Дело было летом 1918 г., когда еще только начиналось осуществление союзнических планов объединения действий мятежного чехословацкого корпуса, с одной стороны, с десантными частями на Севере, а с другой — с интервенционистскими войсками в Закавказье и Туркестане. Сложившееся положение «описал впоследствии сам Черчилль... И сделал это со свойственным ему блеском: «Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадали им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов Советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению Советского правительства и строили планы этого падения. Но объявлять ему войну — это интервенция — позор!» «. И подобных примеров немало.

Такое эстетическое освоение реальности не самоценно с точки зрения научного, объективного познания, вопреки бытующим взглядам. Это познание реализуется в книге как составная часть исследования объективного и субъективного аспектов предмета изучения. Но понятно, сколь важно эмоциональное восприятие действительности, выраженное в особенности в научно-популярном издании, если оно, как в рассматриваемой работе, плодотворно. Лишь одно, попутно, конкретное замечание. Черчилль, говорится в книге, не был жестоким человеком. Эту описательную характеристику, учитывая еще и тему книги, раскрыть непросто; единственное же пояснение в работе таково: он считал себя поборником правого дела — освобождения народов России от «большевистского ига»... Но интервенция, за которую он ратовал, несла массам кровь, голод, разрушения. Если допустить, что все это проясняет упомянутую личностную характеристику, то, быть может, не стоило задерживаться на такой детали. Но беда в том, что читатель далее сталкивается с некоторыми эпизодами, в коих обнаруживается нечто иное по сравнению с авторским пояснением. Военный министр говорит о химическом оружии: «Конечно, мне бы хотелось угостить большевиков газом...» Даже о собственных, британских войсках (находившихся на севере России) он высказывается так: «Лучше рискнуть несколькими тысячами людей... чем допустить крушение всей русско-сибирской системы сопротивления».

Логично сказать здесь о безусловной, думаю, удаче авторов обеих книг в привлечении литературных образов. Это вырази-

лось в том, что фрагменты из художественной литературы — отнюдь не отдельные иллюстрации, не «вставки», а оказавшиеся и в смысловом, и в композиционном отношении органичными компоненты всего повествования.

...Вот известная поэтесса З. Гиппиус в разгар гражданской войны предвкушает победу над большевиками. И ей грезится апофеоз: «Но только в час расплаты / Не будем слишком шумными... / Веревку уготовав, / Повесим их в молчании» (кн. 2, с. 136).

Ведя речь о средствах выразительности в историческом живописании, целесообразно затронуть сложную проблему, хорошо знакомую авторам научно-популярных книг, — это отображение тех, кто входит в окружение главных героев либо так или иначе участвует в описываемых событиях. Особая трудность кроется в том, чтобы при ограниченном по необходимости объеме текста эти лица выглядели бы не «проходными», а запоминающимися. В нашем случае авторы каждый раз не упускают возможности, чтобы акцентировать мотивы и образ действий, черты, присущие, скажем, не одному Колчаку, а и его «грозному и всесильному» сподвижнику Пепеляеву. То же относится не только к Ллойд Джорджу, но и к Б. Локкарту. В этой же связи применительно к историческому повествованию остается редкой ценностью слияние ярко воссозданного облика персонажа и его существенной роли в развитии сюжета. Отдельными штрихами, «мазками» набрасывается портрет такой незаурядной личности как лидер левых эсеров М. Спиридонова. На первом объединенном заседании ВЦИК, Петроградского Совета и Чрезвычайного крестьянского съезда она, искренности которой тогда верили «миллионы крестьян и солдат, верил В. И. Ленин» (кн. 1, с. 235), говорила: не «одна лишь ненависть будет нас вести к нашим идеалам. В своей груди мы будем нести и жалость ко всем угнетенным... наши чистые идеалы помогут нам перед входом в новое царство свободы и труда сбросить грязные одежды вражды между братьями» (с. 235–236). В книге немало и доказательно говорится и о правых эсерах, и меньшевиках. Поэтому, мне кажется, именно из уст Спиридоновой для читателя было бы и интересно, и убедительно услышать такую оценку (как известно, до лета 1918 г. партия правых эсеров действовала легально); «Правые эсеры и меньшевики были разбиты наголову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губерн-

ские и уездные съезды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали полное презрение масс к соглашательским партиям правых эсеров и меньшевиков. Они погасли в пустоте».

Достоверность материала, наглядность повествования, изображение авторов — все направлено на отображение правды реального мира. Поэтому формула «Черчилль и Миллюков против Советской России» раскрывается точно и многосторонне. Конкретно рассматривается принципиальный вывод, сделанный В. И. Лениным через несколько месяцев после Октября: охватившая всю страну гражданская война «слилась с войной внешней в одно неразрывное целое». До того, как показано в книге, «все многообразные и разветвленные каналы связи с зарубежными странами были учтены кадетским руководством и пущены в ход для достижения главной цели — организации интервенции в Россию». Какое бы то ни было суждение о развитии, масштабах и продолжительности гражданской войны будет неадекватным без учета роли в этом интервенции. Кстати, еще несколько лет назад был устойчив стереотип о «навязанной нам международным империализмом» гражданской войне. Теперь же, в наши дни известный историк в пространной газетной статье считает возможным толковать о причинах ее «затягивания», не произнеся ни звука об интервенции.

<...>

